

«Другие свободны выходить в отставку, наша же отставка смерть»

Дневник великого князя Владимира Александровича. 1871 г.

Документы по истории Российской императорской фамилии в последние десятилетия активно вводятся в научный и общественный оборот. Особое внимание при этом уделяется воспоминаниям (среди которых значимое место занимают мемуары фрейлин А.А. Толстой, А.Ф. Тютчевой, М.П. Фредерикс¹), переписке (в том числе между Николаем I и цесаревичем Александром Николаевичем, между Александром II и великим князем Константином Николаевичем, между Николаем II и императрицей Александрой Федоровной²) и, конечно же, дневникам. В одной только серии «Бумаги Дома Романовых» за последние годы изданы записные книжки великого князя Николая Павловича, дневники великого князя Константина Николаевича и Николая II³. Изучение этих и других материалов позволяет не только рассматривать императорский двор как один из центров власти, но и анализировать процесс воспитания и образования членов царской семьи, исследовать их частную жизнь и ее влияние на принятие решений государственной важности.

Сюжеты, связанные с воспитанием и образованием членов династии, вписываются в контекст придворных церемониалов и биографий августейших особ, раскрывая особенности формирования мировоззрения великих князей и княжон, а также становятся предметом самостоятельного рассмотрения. Между тем, несмотря на очевидные историографические достижения, остаются не до конца решенными вопросы, связанные с оценкой действенности педагогических приемов в придворной среде и эффективности великокняжеского обучения в целом⁴. Если воспитание детей Николая I преследовало духовно-нравственные цели, то почему у большей части из них (за исключением великой княгини Александры Николаевны, скончавшейся в 19-летнем возрасте, а также Ольги Николаевны и Михаила Николаевича) фактически возникли вторые или параллельные семьи?⁵ Если образование великих князей должно было готовить их к службе «до последнего издыхания», то почему сыновья Александра II Владимир и Алексей Александровичи все же ушли в отставку? Конечно, эти и другие коллизии можно объяснять извечным несопадением идеалов и действительности либо изменением «духа времени»

---

¹ Толстая А.А. Записки фрейлины. М., 2022; Тютчева А.Ф. Воспоминания: При дворе двух императоров. Дневник. М., 2016; Фредерикс М.П. Из воспоминаний // Николай I. Портрет на фоне империи. М., 2011. С. 33–140.

² Венчание с Россией: переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I, 1837 год. М., 1999; Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I, 1838–1839. М., 2008; 1857–1861: Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. М., 1994. С. 15–136; Переписка Николая I и Александры. М., 2013.

³ Записные книжки великого князя Николая Павловича, 1882–1825. М., 2013; Дневники великого князя Константина Николаевича. 1858–1864. М., 2019; Дневники императора Николая II. Т. 1–2. М., 2011–2013.

⁴ Сорока М.Е. Плоды просвещения. Воспитание кайзера Вильгельма II и некоторые параллели с воспитанием Романовых // Историческая экспертиза. 2023. № 1. С. 371–390.

⁵ См., например: Сафронова Ю.А. Екатерина Юрьевская: Роман в письмах. СПб., 2017.

и экстраординарными обстоятельствами, однако при решении такого рода вопросов, как представляется, необходимо обращение к источникам личного происхождения, принадлежащим перу самих августейших особ.

Одним из таких источников является публикуемый ниже дневник третьего сына Александра II – великого князя Владимира Александровича (1847–1909), в котором 23-летний молодой человек размышляет о своем внутреннем мире и предназначении, а также анализирует данное ему воспитание. Великий князь понимал противоречие между фразами о необходимости службы, повторявшимися его отцом со ссылкой на авторитет Николая I, и действительностью, в которой августейший генерал-майор и сенатор не чувствовал реальной ответственности и в то же время ощущал свою несамостоятельность. Сожаление великого князя от того, что он пока не мог принести пользы России, приводило к поискам выхода из сложившейся ситуации, будь то мечты о службе вне столицы (в будущем Владимиру Александровичу предстоит принять участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.) или какое-то иное «утешение» (которое великий князь видел в так не хватавшем ему доверии Александра II). Трудно сказать, насколько эти варианты были возможны в тех условиях, в которых существовала Императорская фамилия, но очевидно, что великий князь испытывал серьезные душевные терзания, поскольку воспринимал происходящее как ограничение своей свободы. Неудивительно, что другие члены царской семьи, находясь в той же ситуации, также искали то или иное «утешение». Тяготясь родительским контролем и в то же время страдая от недостатка отцовского и материнского внимания, дети Александра II тянулись к таким конфидентам, как К.П. Победоносцев, князь В.П. Мещерский и князь Н.А. Орлов⁶.

Вместе с тем дневник, вернее, восемь дневниковых записей, на которые хватило сил у склонного к лени Владимира Александровича⁷ в феврале 1871 г. (помимо них в распоряжении исследователей имеется только так называемый журнал великого князя от 23 июня – 17 июля и от 24 июля – 5 августа 1865 г. о пребывании в Старой Руссе, да и тот предназначенный для чтения Александром II⁸), посвящен не только горьким сетованиям на великокняжескую судьбу, но также свидетельствует об интересах почетного члена члена Императорской Санкт-Петербургской академии наук с 1875 г.⁹ товарища президента Академии художеств, в 1876 г. возглавившего это учреждение. Великий князь перечитывает понравившийся ему трактат по эстетике (справедливости ради следует отметить, что речь идет только о предисловии к книге) и пытается размышлять о тексте. Делает он это по примеру близкого к нему графа П.П. Шувалова, который, помимо прочего, обсуждал с великим князем запрещенное в России творчество А.И. Герцена (и во-

⁶ Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926; К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. М.; Пг., 1923. Т. 1; Мещерский В.П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863–1868. М., 2011; Мещерский В.П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1869–1878. М., 2014; Мещерский В.П. Письма к императору Александру III, 1881–1894. М., 2018; Князь В.П. Мещерский и российский Императорский дом. Документы и материалы (1863–1913). М., 2018; Нифонтов А.С. Письма русского посла Н.А. Орлова 1859–1865 гг. // Революционеры и либералы России. М., 1990. С. 220–238.

⁷ Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970. С. 51.

⁸ ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 753. Л. 87–92об., 94–94об., 96–96об., 84–85об., 97–98об., 101–102об., 104–107об., 109–110об.; Ф. 652. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–1об. Предпоследний лист этого журнала воспроизведен в издании: Крылов-Толстикевич А.Н., Барковец О.И. Великий князь Владимир Александрович: страницы биографии. СПб., 2010. С. 36.

⁹ Российская академия наук. Персональный состав. Кн. 1. 1724–1917. Действительные члены. Члены-корреспонденты. Почетные члены. Иностраные члены. М., 2009. С. 266.

обще влиял на Владимира Александровича не в лучшую сторону¹⁰). Примечательно, что поводом для ведения дневника стало не учебное задание родителей или наставников, а подражание Владимиром Александровичем его будущему адъютанту. Еще один любопытный факт, о котором можно узнать, прочитав дневник, заключается в том, что великий князь, оказывается, обучался логике, о чем до сих пор не было известно. Ранее считалось, что из всех детей Александра II лекции по логике и истории философии читались только цесаревичу Николаю Александровичу¹¹.

Текст дневника приводится по подлиннику, хранящемуся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в фонде великого князя Владимира Александровича, в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, с сохранением стилистических особенностей. Авторские подчеркивания воспроизводятся путем применения подчеркнутого шрифта. Восстановленные части слов заключены в квадратные скобки. Дневниковые записи сделаны на несброшюрованных листах in folio.

Публикатор благодарит за помощь В.А. Астанкова, А.В. Ашихмина, Е.В. Балущкину, Г. Маринелли, М.А. Долгову и О.В. Хаванову.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00169, <https://rscf.ru/project/24-28-00169/>.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук Ф.И. МЕЛЕНТЬЕВ.

Дневник великого князя Владимира Александровича 8–12, 17–18, 28 февраля 1871 г.

С[анкт-]П[етербург]

1-я неделя Великого поста¹ 1871 г.

8-го февраля. С год тому назад случилось мне прочесть предисловие к книге Зюттера (Sutter) об эстетике в искусстве². Чтение это произвело на меня сильное впечатление. На днях я вновь прочел то же предисловие. В нем говорится о вечных законах искусства; законы, существовавшие в самом начале развития искусства, т. е. те неизменные³ причины, которыми, чтобы сделаться истинным художником, человек должен руководствоваться по сю пору, и на которых зиждется правильное понятие об искусстве. Достичь развития у[м]ственного в высшем понятии этого слова не всякому дано. Многие, скажу даже большинство людей, занятые мелкими заботами этой жизни, не обращают вовсе внимания или весьма мало на развитие своего лучшего дара, ума. Под словами ум, сердце, душа я хочу разуть божественную сторону человеческой природы, т. е. ту сторону, посредством или, вернее, вследствие которой человек, если он того захочет, может приблизиться к источнику всего, к Богу. Потому человек, развивая свою нравственную сторону своего существа, так легко приобретает над прочими людьми перевес. Мне случалось слышать от людей: «Где нам плавать в эмпириях³; заниматься отвлеченными предметами; в наш век это даже глупо. Теперь настало

¹⁰ Долбилов М.Д. Жизнь творимого романа: От авантекста к контексту «Анны Карениной». М., 2023. С. 120–122.

¹¹ Сохранились конспекты этих лекций, составленные В.Д. Кудрявцевым-Платоновым в 1861 г. (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2666. Ч. 1–2).

³ Так в тексте.

время реальных искусств. Железные дороги, торговля и т. д. и, наконец, двигатель всего, деньги». – Действительно, реализм взял верх и даже в искусстве. Но об этом потом. Всякий, кто мало-мальски потерся между людьми, сталкивался с разными типами людскими. Этих типов множество; разделю их, по-своему, на две категории: типы симпатичные и типы несимпатичные. Распространяться далее об этом предмете было бы слишком долго и неуместно. Итак, в^а пестрой толпе, обитающей^б поверхность земного шара, в толпе, которую мы привыкли называть человечеством, встречаются личности всевозможных оттенков, с различными степенями развития. Столкнетесь, напр[имер], с политико-экономом⁴, с теологом, с человеком военным, с дипломатом и т. п. Поговорите с ними, и вы непременно заметите в огромном большинстве преобладание реализма; преобладание личных, и часто мелких воззрений; преобладание, наконец, материи над духом, материализм. Говорите с одним, говорите с другим. Конечно, для развития человека это полезно; я в этом убежден, но^в скоро этот^г, так сказать, общий эгоизм, которому и вы в известной степени подвержены, начинает вам надоедать, и вам становится грустно (сужу по себе). Вдруг в этой толпе эгоистов попадается вам человек, с виду ничем не симпатичный. Вы начинаете с ним говорить, и вам становится отраднo. Что же такое? В чем дело? Дело в том, что в этом человеке вы наконец отыскали то, что вам в других людях не случалось встречать, преобладание духа над телом; высшее развитие духовной стороны своего существа. Для многих такие люди кажутся смешными; для меня они в высшей степени привлекательны. На них как-то нравственно отдыхаешь. Я всегда чувствую на себе их благотворное влияние; в разговоре с ними я увлекаюсь. И точно, когда подумаешь, сколько во мне данных, е чтобы выработать из себя характер самостоятельный, сделаться человеком, выходящим из общего уровня, одним словом, усовершенствовать себя настолько, чтобы не пройти бесследно, так, право, становится досадно на самого себя. Отчего это так? Что тому причина? Насколько могу судить по себе, причина тому та, что постоянно повторяешь себе в минуты чистых, высоких порывов: «Да к чему всё это? Ведь тебя не поймут; большинство людей из-за тебя не станет изменять уровня своего нравственного совершенства». Но вопрос теперь, верно ли это? Да, конечно, верно: не всякий тебя поймет; но может ли это служить препятствием к твоему нравственному совершенству, к полнейшему развитию духовной, е эстетической стороны твоего существа? Нет, сто раз нет. Положим, не все тебя поймут; положим даже, что, впрочем, невероятно, никто не в состоянии будет тебя понять. Но для спокойствия твоей совести не все ли это равно? Как будто все, что я делаю, я делаю напоказ, что, дескать, скажут другие? Это недостойно человека, который сам себя уважает. Как я уже сказал, невероятно, чтобы никто тебя не понял. И тогда какое наслаждение встретиться с человеком, нравственное, духовное, эстетическое развитие которого подходит под твой уровень. Эти встречи редки; оттого-то я ими так и дорожу. Исписав эти две страницы, я перечел мною написанное и увидел, что связи мало между началом и концом. Что может быть

---

^а Вписано над строкой.

^б Так в тексте.

^в Вписано над строкой.

^г Последняя буква дописана.

причиной этому? Непривычка отдавать себе ясного отчета^а в своих мыслях. Постараюсь добиться этого, продолжая от времени до времени излагать на бумаге мысли, остающиеся и проходящие через мою бедную голову. Я глубоко убежден в пользе подобных отчетов самому себе.

9-го февраля. Теперь я говею⁵. Мне хотелось бы углубиться в самого себя и дать себе отчет в моих недостатках. Мне казалось это делом весьма легким; но на^б деле выходит совсем другое: я просто не в состоянии этого сделать. Отчего? всё-таки же оттого, что я не привык правильно думать. Когда, еще в детстве моем, я учился логике⁶, наука эта мне казалась абсурдом. В те лета это понятно. По-моему, логику можно изучать лишь в зрелом возрасте, когда человек начинает самостоятельно мыслить. Правильно мыслить? Учиться правильно мыслить? Это наука нелегкая и требующая больших усилий над самим собою. Мыслей много проходит в голове, мысли часто хорошие. Вот, кажется, что проще, взять да и рассказать или изложить их письменно. То и другое, т. е. изустное или письменное изложение мыслей, дело далеко не легкое. И, как всё на свете, требует труда и труда. Буду стараться. Вот, напр[имер], сегодня я говорил с Мама⁷ о нашем воспитании. Этого разговора я ожидал давно и, мне казалось, достаточно приготовился к нему, чтобы ясно, логично изложить мои мысли по этому вопросу. Но, увы! опять-таки ошибся. Всё еще сумбур в голове; порядка нет. А вопрос о воспитании нашего брата в[еликого] кн[язя]⁸ меня чрезвычайно интересует. Со временем непременно изложу его письменно. Воображение ли это или нет, но мне кажется, что сегодня легче мне писать или, вернее, письменно мыслить, нежели вчера. Чем человек выше поставлен в этой жизни, тем менее в делах службы должен он теряться в мелочах. Мелочи часто бывают соблазнительны; это правда; но это не есть дело. В мелочах можно совершенно потеряться, и тогда пустяки, вздор, не стоящий, собственно, никакого внимания, кажется чем-то^в важным⁹. Этой ошибки надо стараться избегать всеми силами. Спасибо Шувалову¹⁰. Он меня навел, совершенно, впрочем, случайно, записывать свои мысли. Я у него как-то на днях ужинал. Не могли никак припомнить заглавия романа Герцена «Кто виноват?»¹¹. Шувалов вспомнил, что заглавие у него где-то записано, и взял со стола довольно большую книгу, всю исписанную его рукой. Я, конечно, спросил, что это такое? Он мне признался, что уже с давних пор записывает всякую всячину: места, поразившие его в прочтенной книге; разговоры, наконец, просто мысли. Таких книг у него 4¹². Мне это понравилось. Сказал себе: «Давай, буду и я записывать». Вот и начал. Хватило бы только силы воли продолжать. Надеюсь. Одна мысль меня все преследует, и от нее-то мне надо избавиться: мне всё кажется, что я пишу не для себя, а в поучение кому-то другому. Поучение в этом, положим, и есть; но только никак не для других, а лично для меня. Вот еще, чего мне необходимо добиться: простоты в изложении мыслей. Опять-таки трудиться. Вещь нелегкая просто думать, просто говорить, просто писать¹³.

---

^а Так в тексте.

^б Вписано над строкой.

^в Вписано над строкой.

10-го февраля. Мне кажется, что если Господу угодно будет сделать меня отцем^a семейства, когда дети мои достигнут возраста самостоятельной деятельности, я бы, благословляя их, сказал одно слово им в наставление: «Оставайтесь честными людьми»¹⁴. Об этих словах я много и часто думал. Что такое честь? Честь, по моему, есть закон умственный, закон положительный, которым человек должен руководствоваться во всех обстоятельствах жизни. Чувствую, что выражаюсь не довольно ясно и кратко. Позже, когда приобрету привычку правильно мыслить, непременно вернусь к этому вопросу, т. е. постараюсь определить правильное ею значение слова честь. По-моему, правильное понятие о чести может должно быть одно. Это одна из тех истин, с которой человек, извиняя себя обстоятельствами жизни, не^b может входить в сделку, т. е., судя по обстоятельствам, изменять понятие о чести. Всякий человек, прежде всего, должен стараться уважать себя. С первого раза это кажется чем-то странным: уважать себя! Что-то вроде гордости. Нет, это не есть гордость. Гордость унижает человека; уважение к самому себе возвышает его. Быть всегда на страже у самого себя, анализировать все свои поступки, поступать, одним словом, так, чтобы не краснеть перед самим собой: вот как я понимаю самоуважение. Это опять-таки вещь нелегкая и требующая больших усилий и силы воли. Со мною сколько раз случалось внутренне краснеть. Это происходило от неуместно сказанного слова, от неловкого поступка. Причина всему этому, по-моему, недостаток самоуважения. Человек, вполне уважающий себя, всегда будет стараться не давать другим поводу не уважать себя. Попробую иначе выразиться: человек, привыкший уважать себя, будет уважаем всеми. В этом я глубоко убежден. Что действительно трудно в нашем положении, это приучить себя к труду. Говорю это по собственному опыту.

11-го февраля. Как понимать личный труд в нашем положении? Трудиться лично значит, по-моему, приобретать самостоятельность в своих действиях. Но, с другой стороны, воображать, что можно лично, без посредства других людей, всего достигнуть, есть самообольщение. Главное уметь выбирать людей себе в помощники. Это не так легко. Блестящий пример имеем мы в Екатерине II¹⁵, ее выборы, в большинстве случаев, были весьма удачны.

Сегодня после вечерней службы¹⁶ Алексей¹⁷ и я пошли к братьям¹⁸, которые брали ванну. Вернувшись к чаю^b, Мама спросила нас, где мы были? На наш ответ, что мы были у братьев, Мама заметила нам, что это было совершенно лишним, в особенности в эти дни¹⁹, так как разговор наш им совершенно бесполезен, и братья пример с нас они, к несчастью, не могут. Не могу выразить, как слова эти больно отозвались в моем сердце! Даже в глазах у меня помутилось. Я так редко вижу с моими братьями, что они^г ни дурному, ни хорошему от меня научиться не могут. По совести могу сказать, я неравнодушен к их воспитанию: Арсеньев²⁰ может это засвидетельствовать. Чего бы я им от души желал, так это единственно чтобы в их воспитании были избегнуты ошибки нашего воспитания²¹. Возвращаюсь к словам

---

^a Так в тексте.

^b Вписано над строкой.

^b Так в тексте.

^г Вписано над строкой.

Мама: мне бы хотелось плакать над ними и выплакать всё горе, ими мне принесенное. Я не совершенство: далеко мне до этого; но именно в эти дни говения, когда мысли мои беспрестанно останавливались на моих недостатках, когда я беспрестанно спрашивал себя, что нужно мне, чтобы сделаться наконец человеком, слова Мама, т. е. существа, которое после Бога я обожаю всеми силами моего бедного сердца²², таким тяжелым камнем упали мне на душу, как никогда никакие слова, до сих пор мне сказанные в продолжение всей моей жизни, того не делали. Я покояюсь и принимаю их как наказание Божие. Господь видит мое сердце и сжалится надо мной. Грустный конец дня!

12-го февраля. Перед обедней²³ я зашел к Мама и сам навел разговор о словах, сказанных мне вчера. Господь сжалился надо мной! Мама утешила меня и даже просила у меня прощения! Разговор продолжался о моих младших братьях. Мама так искренно жалеет, чтобы мы были им полезны. Когда ее и Папа²⁴ не станет, или когда лета не позволят им следовать, как теперь, за развитием их^a нравственности, духовной стороны, чтобы тогда в нас, старших братьях, они нашли себе поддержку. Я вполне понимаю желание Мама и постараюсь сделать всё, чтобы исполнить его. Канун исповеди и приобщения²⁵. Сперва я просил прощения у Папа. Папа говорил мне о нашем долге и о том, как в настоящее время наше положение становится труднее. Я сам стараюсь повторять себе это как можно чаще. Слова моего деда постоянно приходят мне на мысль: старайтесь так вести себя, чтобы вам прощали ваше рождение²⁶. Глубокий смысл лежит в них. Мама говорила мне о том, как бы она желала ближе сойтись со мной, узнать меня. Я ей отвечал, что не только рад беседовать с ней как можно чаще, но что даже это есть для меня потребность. И действительно, потребность высказаться во мне очень сильна, а случаев к этому мало. Мама всё думает, что я избегаю бесед с нею; постараюсь доказать противное²⁷. Один вопрос, который меня беспокоит, достаточно ли приготовился я к принятию Св[ятых] Таин? В строгом смысле нет; в относительном да²⁸. Одно, чего, мне кажется, я достиг, это спокойствия в мыслях: я могу довольно здраво судить себя. Это что-нибудь да значит. Человек никогда вполне не может быть доволен собою; другие довольны им; это может случиться, хотя редко; но сам он никогда: убежден, что это так. Многое остается еще не высказанным в моей голове, но чувствую, что пока довольно и того, что написано. Надеюсь, что у меня хватит силы воли продолжать начатые записки.

17-го февраля. Вот уже пятый день, что я не писал. Неужели во мне не хватит силы воли продолжать?

Книгу²⁹ получил от гр[афа] П.П. Шувалова.
18-го февраля 1871 г. С[анкт-]П[етербург]⁶

Февраля 18-го 1871 г. Вечером за чаем Папа читал завещание Анпапа³⁰. Каждый год в этот день, т. е. день смерти деда, завещание это читается. Одно место

^a Вписано над строкой.

⁶ Текст со слова «Книгу» написан наискось на отдельном листе.

заставляет меня задумываться; место, в котором говорится о нашей службе. Служить всю жизнь, до последних сил, до последней капли крови³¹. И действитель[но]: другие свободны выходить в отставку, наша же отставка смерть³². Служить верно: в этом одном слове заключается всё. Опять-таки истина, с которою совесть человека не может входить в сделки. С каждым часом нашей исторической жизни служба становится труднее: в этом не может быть сомнения. И потому чего бы я желал как для себя, так и для всех нас вообще, это службы вне Петербурга. Что там ни говори, но здесь, т. е. в центре всего правительственного мира, мы никогда не можем сделаться совершенно самостоятельны; а это необходимо для верного, правильного понимания службы. Другими словами, я бы желал для нас как можно ранее службы ответственной, ответственности. Вот чего мне недостает. Когда человек знает, что он будет судим не только своею совестью, но и людьми, то он скоро привыкнет здраво, серьезно смотреть на службу. В прежних моих заметках я коснулся^а о нашем воспитании и о разговоре, который я имел по этому поводу с Мама. До 20[-]л[етнего] возраста мы не пользуемся никакой свободой³³; на нас смотрят почти как на школьников³⁴. По крайней мере, так было со мной. Правильно ли это или нет, не берусь судить, так как чувствую, что мое суждение не^б может быть совершенно беспристрастно. Когда я видел, что мои сверстники с 16[-]л[етнего] возраста пользовались полною свободой, мною овладевало скверное чувство зависти. Я начинал роптать на всех, разумеется, внутренно, которые, по тогдашним моим понятиям, были тому причиной³⁵. Часто также чувство зависти заменялось чувством скорби: втихомолку я часто плакал, и плакал горько. Так как я всё это^в пережил и перечувствовал, я бы искренно желал, чтобы в воспитании моих младших братьев этого не повторилось. Пользоваться в известные года свободой наравне с другими в нашем положении невозможно; об этом нечего толковать. Но что в нашем положении можно и даже необходимо, это доверие к нашим умственным способностям. Постараюсь выразиться яснее. Мальчик, достигающий 16[-]л[етнего] возраста, если он не лишен вовсе умственных способностей, начинает мыслить, и мыслить много. Это касается всех вообще. Начиная с этого возраста, простые смертные становятся более или менее свободны, мы же нет. Меня это страшно мучило; предполагаю, что то же будет и с моими братьями. Надо взамен неданной свободы изыскать что-либо другое в утешение. Что же может служить утешением? По-моему, одно: доверие; т. е. как можно раньше перестать смотреть на них как на школьников, и делом, а не одними словами приучать их к службе³⁶. Дать им как можно ранее почувствовать, что к их умственным способностям можно иметь доверие. Не пичкать их одними науками: из нас ученых не сделаешь. Стараться, одним словом, поставить их ранее прочих на свои нравственные, умственные ноги. Вот чего недоставало в нашем воспитании. Я обо всем этом говорил с Мама. Надеюсь, что Мама меня поняла.

Февраля 28-го. Мне несколько раз приходилось в последнее время говорить наедине с Алексеем. Во многом наши понятия не сходятся; но я его с каждым днем

---

^а Так в тексте.

^б Вписано над строкой.

^в Вписано над строкой.

более узнаю и более люблю: на него можно положиться. Мы говорили, между прочим, о нашем будущем³⁷. Об этом другие, кажется, слишком мало думают.

ГА РФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 9. Л. 2–6об. Автограф.

Примечания

¹ 8 февраля 1871 г. начался Великий пост – многодневный период строгого воздержания, предшествующий Страстной седмице и празднику Пасхи.

² Имеется в виду раздел «Введение» в книге французского художника и искусствоведа швейцарского происхождения *Давида Зуттера* (1811–1880) «Общая и прикладная эстетика, содержащая правила композиции в изобразительном искусстве» (Sutter D. Esthétique générale et appliquée, contenant les règles de la composition dans les arts plastiques. Paris, 1865. P. 3–27).

³ Эмпирей – верхняя часть небес согласно учению древнегреческих философов о происхождении мира. В переносном смысле означает область фантазий.

⁴ Речь идет о специалисте в сфере политической экономии – науке о развитии производственных отношений. Политическую экономию и статистику преподавал великому князю Владимиру Александровичу в 1868–1869 гг. *Иван Кондратьевич Бабст* (1823 или 1824–1881). В 1860–1867 гг. инспектором классов великих князей *Александра Александровича* (1845–1894), с 1881 г. – императора *Александра III* и *Владимира Александровича* (1847–1909) был *Александр Иванович Чивилев* (1806–1867) – в 1842–1849 гг. ординарный профессор кафедры политической экономии и статистики Московского университета.

⁵ Имеется в виду приготовление к таинству Причащения, заключающееся в посте и воздержании, особо усердном посещении богослужений и совершении молитвенного правила. Цесаревич Александр Александрович писал в дневнике 11 февраля 1871 г., что на этой неделе говело все царское семейство (ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 304. Л. 71).

⁶ В архивных делах о приглашении преподавателей к августейшим детям (РГИА. Ф. 540. Оп. 1 (17/1369)), а также в аттестационных тетрадях, программах и расписаниях учебных занятий великого князя Владимира Александровича (ГА РФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 46–49, 57; Ф. 678. Оп. 1. Д. 966, 971) не обнаружено сведений о прохождении им курса логики. См. также: Татищев С.С. Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович: Сборник документов. М., 2002. С. 31–442; Белюсов А.Б. Воспитатели, наставники и преподаватели великого князя Владимира Александровича // Императорская Фамилия в истории России: к 80-летию убийства в Петрограде великих князей Павла Александровича, Дмитрия Константиновича, Николая Михайловича и Георгия Михайловича. Сборник статей. СПб., 1999. С. 20–23; Сидорова А.Н. «Образовать в детях ум, сердце и душу». Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II. М., 2019.

⁷ Имеется в виду императрица *Мария Александровна* (1824–1880).

⁸ Форма единственного числа употребляется в этом случае в собирательном значении, поскольку подразумевается великокняжеское воспитание в целом.

⁹ Эта мысль перекликается с пожеланием обер-прокурора 1-го департамента Правительствующего Сената *Александра Александровича Половцова* (1832–1909), адресованным великому князю Владимиру Александровичу уже 10 апреля 1871 г. в честь его дня рождения, чтобы тот укреплялся «в борьбе с житейской тиною материальной мелочности» (Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 85). Возможно, эта тема была одним из предметов их бесед.

¹⁰ *Павел Петрович Шувалов* (1847–1902) – граф, в 1869–1872 гг. корнет лейб-гвардии Гусарского полка, в 1872–1881 гг. адъютант великого князя Владимира Александровича.

¹¹ Роман русского писателя *Александра Ивановича Герцена* (1812–1870), в 1847 г. покинувшего Россию и жившего в эмиграции. «Кто виноват?» написан в 1841–1846 гг. и впервые опубликован в 1846 г. Произведения Герцена в Российской империи были запрещены.

¹² Тетради с записями графа П.П. Шувалова сохранились в родовом фонде графов Шуваловых. См., например: РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 274. Содержание одной из этих тетрадей частично проанализировано в кн.: Долбилов М.Д. Жизнь творимого романа: От авантекста к контексту «Анны Карениной». М., 2023. С. 105–106.

¹³ Эта мысль и впоследствии не оставляла великого князя Владимира Александровича, который 28 апреля 1889 г. высказывал «свое расположение к тому, чтобы жить и действовать просто» (Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 205).

¹⁴ Возможно, это наставление навеяно словами про «честного человека», которые будто бы произнес цесаревич *Николай Александрович* (1843–1865) незадолго до смерти, характеризуя великого князя Александра Александровича. В духовном завещании императора *Александра II* (1818–1881), составленном в 1876 г., это словосочетание звучит именно так (ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 948. Л. 2об.), хотя в дневнике великого князя *Алексея Александровича* (1850–1908) 11 апреля 1865 г. фраза передана иначе: «Славный, хороший человек» (ОР РНБ. Ф. 890. Оп. 1. Д. 83. Л. 72об.). Сам великий князь Владимир Александрович писал отцу 1 сентября 1868 г., благодаря за производство в чин генерал-майора: «Об одном моллю Бога, быть везде и всегда, во всех обстоятельствах честным человеком» (Крылов-Толстикович А.Н., Барковец О.И. Великий князь Владимир Александрович: страницы биографии. СПб., 2010. С. 321). В семье великого князя Владимира Александровича и великой княгини *Марии Павловны* (1854–1920) родились великие князья *Александр* (1875–1877), *Кирилл* (1876–1938), *Борис* (1877–1943) и *Андрей Владимировичи* (1879–1956), а также великая княжна *Елена Владимировна* (1882–1957).

¹⁵ Имеется в виду императрица *Екатерина II* (1729–1796), примером которой вдохновлялся великий князь Владимир Александрович (Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 85), а также ее соратники, среди которых в первую очередь называются графа *Петра Александровича Румянцева-Задунайского* (1725–1796), светлейшего князя *Григория Александровича Потемкина-Таврического* (1739–1791), графа *Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского* (1737–1807) и других.

¹⁶ Речь идет о великом повечерии с чтением великого канона преподобного Андрея Критского.

¹⁷ Великий князь Алексей Александрович.

¹⁸ Имеются в виду великие князья *Сергей Александрович* (1857–1905) и *Павел Александрович* (1860–1919).

¹⁹ Подразумеваются дни говения.

²⁰ *Дмитрий Сергеевич Арсенев* (1832–1915) – капитан 1-го ранга. В 1864 г. назначен состоять при великом князе Сергее Александровиче (с 1877 г. – попечитель), с 1867 г. состоял еще и при великом князе Павле Александровиче (с 1880 г. – попечитель).

²¹ Размышляя о том же предмете, великий князь Алексей Александрович писал в дневнике в 1872 г.: «Я не люблю свое детство, для меня оно как-то тяжело прошло, что-то грустное лежит на нем. Я мало был с родителями, я никогда не имел друга. В минуты страдания; а в детстве их так много бывает и на них все так легко смотрят, я никому не мог излить души своей, никому не мог передать свои душевные мысли и чувства; а это очень тяжело, гораздо более, чем взрослые думают, я это сам теперь вижу, когда могу хладнокровно уже рассуждать о прошедшем» (ОР РНБ. Ф. 890. Оп. 1. Д. 83. Л. 129об.–130). Похожим было отношение к детским годам и у Александра III, который 22 мая 1888 г. признавался императрице *Марии Федоровне* (1847–1828): «Никто из губернаторов не имел на меня никакого влияния, никого из них я не любил (кроме Б.А. Перовского, да и то позже), ничего они и не могли передать мне, я их не слушал и на них не обращал решительно никакого внимания, они для меня были просто пешками». По его словам, Александра II сыновья «очень

любили и уважали, но он по роду своих занятий и заваленный работой не мог нами столько заниматься, как милая, дорогая Мама» (Боханов А.Н., Кудрина Ю.В. Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Переписка. 1884–1894 годы. М., 2007. С. 102). Объясняя 4 октября 1882 г. своим единомышленникам причины пересмотра установленных царствования Александра II в первые годы правления его сына, великие князья *Михаил Николаевич* (1832–1909) и *Константин Николаевич* (1827–1892) обращали внимание на то, что «молодое поколение в Императорской фамилии представляет совершенную противоположность предшествующим поколениям: насколько последние отличались привязанностью к традициям и привычкам прежнего времени, напоминовавшего их собственную молодость, настолько же новое поколение с каким-то озлоблением вспоминает обо всей обстановке, среди которой оно выросло. Отсюда безотчетное желание переиначить все существующее, хотя бы для того только, чтобы возвратиться к существовавшему когда-то и уже забытому. Странное это явление объясняется самим воспитанием, данным нынешнему государю, так же, как и великим князьям Владимиру и Алексею Александровичам, которые сохранили о годах своей юности впечатления тяжелые и безотрадные. Все заботы, вся нежность родительская были сосредоточены на первородном наследнике престола великом князе Николае Александровиче, преждевременная смерть которого была великою, невоснаградимой потерей для России» (*Милютин Д.А.* Дневник. 1882–1890. М., 2010. С. 63).

²² «Я чувствую, – признавался великий князь Владимир Александрович в письме к императрице Марии Александровне 24 июня / 6 июля 1866 г., – что искренно меня никто не любит; да за что же и любить? А без любви какая же это жизнь? Грустно писать такие вещи, но, душка Мама, Ты не можешь не быть со мной согласна. Я часто думаю обо всем этом; ищу тех, кто бы меня любил, и кроме Тебя и Папа никого не нахожу. Но не правда ли, Мама, Ты меня любишь? О! В этом я не смею сомневаться после того, что Ты мне раз сказала перед исповедью, говоря о смерти Никсы [цесаревича Николая Александровича. – Ф.М.]: “Знай, что Я готова перенести еще такой удар, нежели видеть твою душу погибшею”. Эти слова я не забуду до самой моей смерти; они запали в мою душу слишком глубоко, чтобы время могло их изгладить!» (ГА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 36. Л. 96).

²³ Обедня – обиходное название Божественной литургии. В данном случае речь идет о литургии Преждеосвященных Даров, которая служится в будние дни Великого поста (12 февраля 1871 г. приходилось на пятницу). Перед этим же богослужением великие князья Александр и Алексей Александровичи имели разговор с императрицей Марией Александровной «о приготовлении к причастию» (ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 304. Л. 71об.).

²⁴ Имеется в виду император Александр II.

²⁵ Исповедь – один из основных элементов таинства Покаяния, который представляет собой устное или письменное изложение своих греховных поступков и помыслов перед священнослужителем в надежде обрести их прощение у Бога. Приобщение (или Причащение) – главное церковное таинство, во время которого, по учению Церкви, верующие под видом хлеба и вина вкушают Тело и Кровь Иисуса Христа. 12 февраля 1871 г. цесаревич Александр Александрович писал в дневнике, что после вечерней службы все дети Александра II «были по очереди у Папа и Мама и просили прощения и говорили с ними», после чего исповедовались в Малой церкви Зимнего дворца. На следующий день они причастились (ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 304. Л. 72).

²⁶ Имеются в виду слова императора *Николая I* (1796–1855): «Всякий из вас должен всегда помнить, что только своей жизнью может искупить происхождение великого князя», известные в изложении великого князя *Николая Михайловича* (1859–1919), цитировавшего это высказывание в письме публицисту *Александру Валентиновичу Амфитеатрову* (1862–1938) 2 апреля 1918 г. (Российский Императорский дом. Дневники. Письма. Фотографии. М., 1992. С. 197). Схожую мысль Николай I высказывал в 1844 г. королеве Великобритании и Ирландии *Виктории* (1819–1901), писавшей в дневнике о его глубоком убеждении, «что в настоящее время члены царственных домов должны стремиться стать достойными своего высокого положения, чтобы помирить с ним народное чувство» (Та-

тишев С.С. Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. СПб., 1889. С. 29). Эту сентенцию, ставшую одним из девизов царской семьи, Александр II обычно повторял детям перед их исповедью, происходившей, как правило, раз в год. Например, 31 марта 1865 г. император напомнил великому князю Владимиру Александровичу: «Мы должны себя так вести, чтобы нам простили наше происхождение», а тот на следующий день написал об этом императрице Марии Александровне (ГА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 36. Л. 81). «Только нашим образованием и службою, – подчеркивал в дневнике слова отца великий князь Алексей Александрович 31 марта 1865 г., – мы можем вознаградить то, что мы родились великими князьями» (ОР РНБ. Ф. 890. Оп. 1. Д. 83. Л. 69об.).

²⁷ Секретарь цесаревича *Николая Александровича* (1843–1865) *Федор Адольфович Оом* (1826–1898) отмечал, что цесаревич тоже не сразу сблизился с императрицей Марией Александровной. По мнению Оома, установлению тесных отношений сына и матери помог швейцарец Я. Куриар (Курьяр), в 1851–1860 гг. преподававший великому князю французский язык. «Он пользовался всяким удобным случаем, чтобы объяснить его высочеству [цесаревичу Николаю Александровичу. – Ф.М.] значение матери в воспитании детей и, наконец, указал на средство сближения с нею. Сначала цесаревич предложил императрице прочесть ей вслух свои французские сочинения о Крестовых походах, о рыцарстве и проч. (тетрадки эти хранятся в Библиотеке Аничковского дворца), потом были Куриаром же рекомендованы другие книги, представлявшие темы для обмена взглядов на разные события и т. д. Кончилось тем, что как мать, так и сын почувствовали потребность бесед» (Воспоминания Феодора Адольфовича Оома. 1826–1865. М., 1896. С. 38).

²⁸ Святые Таины согласно православному вероучению – хлеб и вино, преложенные Духом Святым в Тело и Кровь Христовы. Приступающий к Причастию должен очистить свою совесть покаянием в грехах, чему способствуют пост и молитва. Вероятно, великий князь Владимир Александрович имел в виду, что он не в полной мере очистил совесть, хотя постился и молился.

²⁹ О какой книге идет речь, установить не удалось. Возможно, имеется в виду книга для ведения дневника великим князем Владимиром Александровичем.

³⁰ Анпапа – от grand-papa (дедушка, фр.). Имеется в виду император Николай I, духовное завещание которого было составлено в 1844 г. (Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 461–467). 18 февраля 1871 г. цесаревич Александр Александрович писал в дневнике о том, что днем в Петропавловской крепости была отслужена панихида по Николаю I, а «вечером ездили к Папа и Мама, где пили чай все вместе, а потом Папа читал нам духовное завещание Ан-Папа, которое написано отлично» (ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 304. Л. 74).

³¹ Николай I завещал детям и внукам «любить своего государя от всей души, служить ему верно, неутомимо, безропотно до последней капли крови, до последнего издыхания, и помнить, что им надлежит примером быть другим: как служить должно верноподданным, из которых они первые» (Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 463).

³² В 1905 г. из-за отказа императора *Николая II* (1868–1918) признать брак великого князя Кирилла Владимировича великий князь Владимир Александрович подал прошение об увольнении от должности главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, которое было удовлетворено (с оставлением в других должностях).

³³ Члены Императорской фамилии считались совершеннолетними по достижении 20 лет, за исключением наследника престола, совершеннолетие которого наступало с 16-летнего возраста.

³⁴ 26 марта 1870 г. адъютант наследника престола генерал-майор Свиты граф *Илларион Иванович Воронцов-Дашков* (1837–1916) жаловался А.А. Половцову, «что в[еликие] к[нязья] не довольно развиты, не приучены к самостоятельности» (Половцов А.А. Дневник. 1859–1882. В 2 т. М., 2022. Т. I. 1859–1877. С. 477).

³⁵ Вероятно, имеется в виду *А.И. Чивилев*, а также граф *Борис Алексеевич Перовский* (1815–1881), с 1860 г. состоявший при великих князьях Александре и Владимире Александровичах, а в 1867 г. назначенный попечителем последнего.

³⁶ В 1872 г. великого князя Сергея Александровича произвели в подпоручики лейб-гвардии Преображенского полка, в котором с рождения он числился прапорщиком. В 1874 г. великого князя Павла Александровича произвели в подпоручики того же полка, в котором с рождения он числился корнетом.

³⁷ Великий князь Владимир Александрович в 1874 г. был назначен начальником 1-й гвардейской пехотной дивизии, в 1876 г. стал президентом Императорской академии художеств, в 1881 г. Александр III назначил его командующим войсками гвардии и Петербургского военного округа. Великий князь Алексей Александрович в 1873 г. был назначен командующим Гвардейским экипажем, в 1880 г. его пожаловали в генерал-адмиралы, в 1881 г. Александр III назначил его главным начальником флота и Морского ведомства.